

УДК 323.22/316.42

А. В. Гига

(к. филос. н., доцент)

Донецкий национальный технический университет

(Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** Рассматривается проблема трактовки концепта «информационное общество». Адекватное представление здесь возможно при условии разделения идеологически ориентированных суждений на эту тему и фактической, объективно-понятийной составляющей. Показана превалирующая роль именно идеологических интерпретаций указанного феномена, характерная не только для собственно западных авторов, но и для отечественной традиции. В последней в немалой степени проявляется технократическая, утопически-апологетическая направленность трактовок информационного общества.*

***Ключевые слова:** информационное общество, идеология, информационные технологии, общество потребления, утопизм, технологический детерминизм.*

Современный тип обществ западно-атлантической культуры и ориентированных на них стран-сателлитов устойчиво характеризуется определенным набором именований – посткапиталистическое (Р. Дарендорф), постбуржуазное (Дж. Лихтхайм), постэкономическое (Г. Кан), постиндустриальное (Д. Белл), информационное (У. Дайзард) [1, с. 344] и проч. Ведущая роль среди них с течением времени стала принадлежать последнему обозначению, информационному. Это произошло, во-первых, в силу большей конкретности, т.к. приставка пост- не слишком проясняла суть дела, и, во-вторых, каждый из авторов указанных именований, в принципе, выделял развитие именно информационной составляющей.

Со времен первоначальных определений прошло 40-50 лет, и уже можно с большей степенью обоснованности высказать суждения об оправданности ожиданий и адекватности самих обозначений. У. Дайзард в заключительных строках указанной работы так и подчеркивал: «Каков необходимый масштаб изменений и обладаем

ли мы способностью вовремя их осуществить – эти вопросы всё ещё ждут своего ответа» [1, с. 355].

В теме анализа характеристик ведущего типа общественно-экономических отношений можно выделить два типа проблем. Первое, это непосредственно материальная сторона цивилизационного развития, подчеркнутый переход от преимущественного производства товаров к производству услуг, и, второе, отражение происходящих изменений в материальной сфере во всем массиве их идеологического осмысления и обеспечения, задающего основные интеллектуально-духовные способы адаптирующих толкований и объяснений. Второе имеет прямое отношение именно к философскому уяснению сути проблемы исторически-цивилизационной идентификации нынешнего этапа пути развития западного мира. Хотя материальная и идеально-отражающая стороны находятся в существенной взаимосвязи, тем не менее концептуализация материальных отношений может проходить в известном отрыве от их реальной содержательности, давая в целом искаженную картину существующего. В связи с этим необходимо наметить, хотя бы эскизно, основные моменты указанного перехода от производства товаров к производству услуг.

В собственно материальном выражении за последние десятилетия действительно произошел значительный рост доли услуг в общем объеме валового продукта. Динамика видна и за значительно более короткие сроки. Так, в 2014 г. в США сфера услуг достигала 64,88% от ВВП [2], а в 2019 г. – уже 78% [3]. К этой сфере относятся образование; здравоохранение; наука; финансы; торговля; транспорт и связь; услуги госучреждений; различные профессиональные и личные услуги [3].

Здесь, в свою очередь, следует отделять реальные и необходимые услуги – транспорт, финансовое обслуживание и т.д., от услуг нередко сомнительных – консультаций, личных услуг, услуг госучреждений. Однако в любом случае достаточно очевидно, что сам факт нематериальности любого рода услуг ставит их на второй план относительно реальной экономики. Манипуляции же с подсчетом их стоимости легко выводят эту деятельность в более прибыльную область, нежели промышленное производство. Тем не менее, удовлетворение первичных потребностей человека в еде, одежде, жилье, безопасности в любом случае остаётся приоритет-

ным. Несмотря, например, на скромное положение реального производства в общей структуре ВВП – например, в США сельское хозяйство даёт всего 1% ВВП [3] – его роль не (только) в получении прибавочной стоимости, но в обеспечении материального фундамента развития страны. Но дело в том, что по процентному соотношению в ВВП реального промышленно-сельскохозяйственного сектора и сектора услуг судят о том, является ли общество постиндустриальным и развитым, либо остающимся в традиционном индустриальном формате догоняющего развития.

С этой точки зрения может создаться впечатление о ложной возможности сбросить с государства бремя промышленного и сельскохозяйственного развития, провести тотальную деиндустриализацию, не вкладывать средства в фундаментальную и прикладную науку, в разработку новых технологий, ограничившись практикой отверточной сборки, а развивать преимущественно офисную культуру фирм-посредников, торговую, а также банковскую сферу с её саморастущим финансовым инструментарием. Хотя чисто формально степень постиндустриализма при этом вырастет, но это будет лишь имитационной характеристикой, сугубым и типичным симулякром. Нечего и говорить, что государство такого типа в долгосрочной перспективе обречено на стагнацию и утрату, может быть, окончательную каких-либо реальных вариантов достижения лидирующих мест в экономике, науке и технологиях. Вся информационная, телекоммуникационная и компьютерная составляющая прогресса вне конкретной, осязаемо предметной материально-технической, вполне индустриальной данности превращается в мишуру идеологических посулов, выражая лишь маниловские радужные надежды на светлое будущее, но никак не серьезный государственный план развития страны.

В области идеологического обоснования необходимости цивилизационного продвижения в направлении укрепления «информационной экономики» в противовес индустриальной как искомом «векторе прогресса», в отечественной традиции социально-гуманитарного исследования наметились определенные типизированные практики более или менее устойчивого понимания.

Прежде всего, отметим научную трактовку идей технологического детерминизма, начавшуюся ещё в далекое советское время и определившую их буржуазно-идеологическую природу. Актуальность этой критики в настоящее время остаётся не менее значи-

мой, чем полвека назад, она, более того, возросла в силу исторической утраты общественно-научного, советского типа дискурса. Пусть и в урезанном, стилистически и понятийно значительно более мягком варианте, но взвешенно-критическое отношение к идеям буржуазных идеологов, включая сюда и философов науки, и макросоциологов, наличествует и в наше конформистское время.

Примером может служить статья Т.В. Науменко [4]. Автор, хотя и осторожно-взвешенной манере, но настойчиво проводит мысль о ряде существенных несоответствий в работе Ф. Уэбстера относительно его трактовки представлений Э. Гидденса. «Интерпретация Уэбстером идей Гидденса, - пишет Т.В. Науменко, - заставляет задуматься о степени научности тезисов самого Уэбстера и о возможном влиянии на его выводы идеологических факторов. Особенно это сомнение возрастает при знакомстве с той частью работы Уэбстера, где он говорит о правах человека...

Так, он утверждает, что прежние источники конфликтов исчезли, в частности, имеются в виду конфликты, связанные с претензиями на территорию и на природные богатства» [4, с. 8]. В принципе, отмеченный тезис Уэбстера – а его труд «Теории информационного общества» считается «практически хрестоматийным» [4, с. 8] – сразу ставит под вопрос всю отмеченную хрестоматийность как идеологически заданную, выводя соответственно формулировки этой «теории» за рамки научного знания.

Но, конечно, нельзя вульгаризировать и упрощать представления того же Уэбстера. Он, например, подчеркнуто выступает против технологического детерминизма - «Сейчас, по крайней мере в социальных науках, стали избегать технократического детерминизма, который долгое время доминировал в рассуждениях на тему информации (хотя... не всегда: в более замаскированном, а иногда и в явном виде детерминизм продолжает существовать)» [5, с. 361]. Это уже позволяет вести дискуссию, в том числе, в поле научных суждений, а не только лишь с идеологических позиций апологетики рыночных отношений, как это случается ныне сплошь и рядом.

Характерной чертой именно научного типа дискурса служит наличие необходимо конкретного аспекта рассуждений, сочетающий, с одной стороны, теоретичность и обобщенность, и эмпирически-протокольную фактичность – с другой. Вышеприведенной работе Уэбстера хватало фактического материала, но явно недоста-

вало понятийной отчетливости в авторской позиции. Ситуация проигрышной рационалистической обобщенности довольно характерна в западном обществоведении для многих авторов. Скажем, Уэбстер считает, что «что заслугой Гидденса является использование идей Фуко и Спенсера в связке с подходом классиков социологии» [4, с. 6]. Связь идей постмодерниста и раннего позитивиста, скорее всего, приведет лишь к эклектике проводимого исследования уже хотя бы потому, что указанные классики социологии – Маркс, Дюркгейм и Вебер – во-первых, сами по себе самодостаточны, во-вторых, их концепции далеко не комплементарны, тогда как говорится о некоем общем их подходе. И если добавить сюда многоречивого М. Фуко и органициста (социал-дарвиниста) Г. Спенсера, то мешанина противоречивых взглядов лишь усилится.

Следующий типовой способ подхода к проблеме информационного общества можно обозначить как инструментальный. Здесь упор делается на освещение собственно модернизационной политики развития информационных технологий, но попутно проскальзывают весьма красноречивые пассажи касательно общего состояния дел в идейно-смысловой сфере государственного и общественного строительства. Эти замечания заметно диссонируют с оптимистическим настроем составителей различных «стратегий» и «программ». Так, Мерзлякова И.Л. замечает, что «Сложность определения вектора посткризисного развития современной России заключается в том, что сам «социум» трактуется как целостная и самоорганизующаяся система, проходящая бифуркационные точки и в силу этого не имеющая определенной направленности в своем развитии» [6, с. 48]. А раз социум движется по-исторически не просчитываемой траектории, следовательно, в его общественном сознании отсутствует единое представление о путях, мотивах и смыслах общественного развития, и разрабатываемые «стратегии» не в состоянии достичь декларируемые цели.

К тому же, если речь идёт о преимущественном развитии телекоммуникационных сетей, доступности интернета и прочих подобных вещах, то, как отмечалось выше, всё это успешно работает лишь при наличии реальной экономики. Никакая «цифровая экономика» вне материально-технической базы в виде собственной обрабатывающей промышленности, машиностроения, производства средств производства, развитого сельского хозяйства невоз-

можно по простой причине того, что искомая «цифра» относится – если это не финансовые пузыри липовых капиталов – к организации реальных производительных сил. Только в отношении к ним она получает точку продуктивного приложения в плане повышения производительности труда, как управленческого, так и собственно производящего. Во всех остальных свои формах использования информационные технологии носят преимущественно массово-игровой, развлекательный характер.

И, наконец, отметим третий вариант. Он носит характер утопического, субъективно-идеалистического долженствования, дидактического морализирования на предмет неудовлетворенности существующей направленностью общественного развития. Предполагается, что возможна простая волевая смена системного общественного целеполагания с роста прибыли на развитие отдельного индивида. «Конкретный человек, - пишет В. М. Бондаренко, - во всем многообразии потребностей и их удовлетворение становятся целью развития социально-экономической системы, а, равно, и целью построения информационного общества, при этом главный критерий эффективности достижения цели - это динамичное сокращение времени между возникновением потребности конкретного человека и общества в целом и её удовлетворением» [7, с. 34].

Ответа на вопрос почему вдруг транснациональные корпорации самопроизвольно откажутся от своих сверхприбылей и начнут перераспределять прибавочный продукт в интересах обеспечения «многообразия потребностей каждого», конечно нет и быть не может. Тот «конкретный человек», потребности которого автор хочет сделать определяющей величиной и которые должны реализовываться в on-line режиме, строго индивидуально, на самом деле является человеком абстрактным в силу того, что не указаны условия его социальной жизнедеятельности. Фактически автор отчасти привлекает положение из Манифеста коммунистической партии о всемерном развитии сущностных сил индивида, но делает это исключительно в ракурсе усиления общества потребления, оставаясь в представлении прежних буржуазных отношений.

В. М. Бондаренко полагает (на неизвестных основаниях) реально возможным некое уравнивание «глобализации... процессами индивидуализации» [7, с. 36]. Соответственно конечный вывод статьи зависит в бесосновном состоянии простого желаемо-

го: «Человек во всем многообразии потребностей и их удовлетворение - вот цель развития общественной системы, которая обеспечивает реализацию как бы свыше заданной гармонии человеческих отношений» [7, с. 36]. Характерным моментом выделяется в приведенном фрагменте указание на «свыше заданную гармонию», выражающее мистифицированную иррациональную составляющую авторских представлений об историческом развитии.

Эти пожелания всего хорошего осуществляются в фантастическом обществе «рыночных отношений самого высокого уровня развития» [7, с. 34], а именно – в информационной его форме. Перед нами утопический вариант апологетики буржуазных отношений периода доминирования общества тотального потребления, выполненный в рамках наукообразного, но по сути морализирующего описания новой гармонии человека и производства. Эта гармония не касается ни высших смыслов человеческого бытия, ни проблем справедливого социального мироустройства, ни решения вопросов растущего отчуждения человека, но как высшую общественную цель утверждает стремление к мгновенной реализации возникшей потребности индивида.

Однако именно империализм как высшая стадия капитализма с его мировыми войнами, глобальными кризисами как экономическими, так и политическими, доминированием финансового капитала, растущими планетными диспропорциями между развитыми странами и сырьевой периферией – как раз и составляет высшую ступень развития рыночных отношений во всей их сути. Но из-под пера идеологически настроенных авторов выходит благостная картина растущего общества общего благоденствия, давно потерявшая связь с реальностью.

Список литературы

1. Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – с. 343-355.
2. Валовой Внутренний Продукт [ВВП] Соединённых Штатов Америки [США] за 2014 год. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://weic.info/ekonomicheskie_stati/valovoy_vnutrenniy_produkt_vvp_so_edinennyh_shtatov_ameriki_ssha_za_2014_god
3. Бальдини Е. ВВП США в 2019 г. [Электронный ресурс] / Е. Бальдини. – Режим доступа: <https://visasam.ru/emigration/canadausa/vvp-usa.html#i-3>

4. Науменко Т.В. Информационное общество и глобализация: проблемы идентификации // Информационное общество. 2017. № 6. С. 4-10.
5. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. - М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
6. Мерзлякова И.Л. Информационное общество как фактор российской модернизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 48-51.
7. Бондаренко В.М. Информационное общество для всех – информационное общество для каждого человека в отдельности // Информационное общество. 2001. Вып. 1. С. 34-36.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

INFORMATION SOCIETY: REALITY AND REPRESENTATIONS

***Annotation.** The problem of interpretation of the concept of "information society" is considered. An adequate presentation here is possible if ideologically oriented judgments on this topic are separated from the actual, objective-conceptual component. The prevailing role of ideological interpretations of this phenomenon, which is characteristic not only for Western authors themselves, but also for Russian tradition, is shown. The technocratic, utopian-apologetic orientation of the interpretations of the information society is manifested to a considerable degree to the last.*

***Keywords:** information society, ideology, information technology, consumer society, utopianism, technological determinism.*